

Тамара КАРСАВИНА

ТЕАТРАЛЬНАЯ УЛИЦА

Воспоминания

Tamara
KARSAVINA

THEATRE STREET

Тамара КАРСАВИНА

ТЕАТРАЛЬНАЯ УЛИЦА

Воспоминания

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

УДК 792.8

ББК 85.335.42

К26

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Художественное оформление
И.А. Озерова*

Карсавина Т.

К26 Театральная улица. Воспоминания / Пер. с англ.
И.Э. Балод. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф,
2010. – 319 с.

ISBN 978-5-521-73238-8

Воспоминания Тамары Карсавиной, одной из звезд легендарной труппы Сергея Дягилева, в составе которой были Нижинский и Павлова, стали признанной классикой литературы о балете. Детство, уроки танцев, годы обучения в Императорском балетном училище и последовавшие за ними триумфальные выступления в Мариинском, а затем в лучших театрах европейских столиц – все, что повлияло на становление величайшей балерины мира, отражено на этих страницах. Ярко и образно рассказывает балерина о своей жизни и замечательных людях, окружавших ее.

**УДК 792.8
ББК 85.335.42**

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2010

© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2010

ISBN 978-5-521-73238-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я закончила писать эту книгу 20 августа 1929 года, в тот самый день, когда услышала о смерти Дягилева. Но я не стала менять ничего из написанного о нем: он остался на моих страницах живым, таким, каким я его знала. В этом исправленном издании я сделала то же самое, но добавила главу, где предприняла попытку внести некое единство в характеристику его личности, хотя описание отдельных его черт разбросано по всей книге, о некоторых же из них рассказывается впервые.

Эта глава не ставит целью стать краткой биографией или произвести психоанализ личности, это просто портрет в зеркале моей любви.

T. K.

20 октября 1947

Часть первая

ВОСПИТАНИЦА

Глава 1

Мои первые воспоминания. — «Толстая няня». — Моя мать. — Санкт-Петербург. — «Дуняша»

Отчасти из рассказов отца, отчасти из собственных воспоминаний я могу представить довольно последовательно историю своего детства, которая кажется мне теперь похожей на ряд картинок из азбуки.

Отец любил рассказывать мне о тех временах, когда я была совсем маленькой. В свободное время он садился у окна с альбомом и акварельными красками, я обычно пристраивалась рядом и смотрела, как он работает. И сейчас я вижу перед собой эти миниатюрные картинки с изображением различных национальных костюмов — испанских, венгерских, украинских, польских; на одной странице мужчина, на противоположной — женщина. Их одежды были выписаны чрезвычайно тщательно, но все лица, по моему мнению, отличались чересчур большими носами, а цвет лица дам казался слишком смуглым.

Отец никогда не отрывал глаз от своей работы, разыгрывая передо мной эпизоды моего раннего детства. Он прекращал рисовать только для того, чтобы промыть и обтереть кисточку. Эти картинки предназначались в помощь его ученикам, изучающим национальные танцы.

Мое первое воспоминание связано с тем, как няня поставила меня на ножки на тропинку у какого-то дома.

ТЕАТРАЛЬНАЯ УЛИЦА

Сначала она направляла меня, поддерживая под мышки, потом отпустила. Я заковыляла довольно уверенно, но затем меня понесло вперед все быстрее и быстрее, так что я не успевала переступать ногами. Отец поймал меня во время.

Следующее воспоминание связано с Лиговым неподалеку от Петербурга. Дом, в котором мы жили, находился в парке поместья графа Позена. Мы приехали туда ранней весной. Я поправлялась после воспаления легких, и врач порекомендовал мне пить березовый сок. Сразу за домом простирались лужайка, окруженная молодыми березками, еще не покрывшимися листвой. Мне нравилось наблюдать за тем, как добывали сок, обильно струившийся из надреза, сделанного в стволе. Обычно его собирали по утрам в глиняный кувшин. Сок имел сладкий терпковатый вкус.

О предшествовавшей этому болезни воспоминаний почти не сохранилось — помню только, как лежала на большом диване, превращенном в постель, с зеркальцем в руках и пускала им солнечных зайчиков по потолку и обоям. Меня пугало появление матери с холодным компрессом — она меняла их по нескольку раз в день. Позже она призналась мне, что и сама боялась подходить ко мне — так слабо и жалобно я плакала. Мои воспоминания об этом времени немного поблекли. Однако отдельные детали произвели на меня такое сильное впечатление и столь глубоко врезались в память, что даже сейчас не утратили очарования и остались по-прежнему яркими. Дом, в котором мы жили в Лигове, казался мне огромным и очень красивым, и вполне вероятно, мои детские воспоминания не обманывают меня — та большая комната со сводчатым потолком и нишами могла находиться только в большом загородном доме конца XVIII века.

Хотя дом очень отличался от нашей маленькой городской квартиры, это место казалось мне до странности знакомым. По какой-то необъяснимой причине мной овладели смутные разрозненные образы иной жизни, которой я

ТАМАРА КАРСАВИНА

никогда не видела и о которой ничего не слышала. Они не имели ни начала, ни конца — это были просто яркие, словно внезапные вспышки, картины, которые я не могла ни с чем связать. Одно особенно часто посещавшее меня видение казалось настолько живым, что походило на воспоминание, и я часто ломала себе голову над тем, что бы оно могло означать. Представьте себе тихий пруд правильной формы. Я, совсем маленькая девочка, и какая-то женщина, по-видимому моя мать, выходим из экипажа. Она держит меня за руку, мы огибаем пруд и направляемся к большому дому с гладким фасадом и множеством окон.

Я передвигаюсь с трудом — тропинка посыпана гравием, и мне тяжело идти по ней на высоких каблуках. На мне не мое повседневное платье, а пышное, тяжелое и жесткое. Я ощущаю робость, как всегда, когда меня везут куда-то с визитом. На этом видение обрывается, а меня так мучает невозможность узнать, кого же мы собирались посетить, что я задаю матери бесчисленное множество вопросов по этому поводу. Моя история, похоже, позабвила ее, но ни тогда, ни после она не попыталась найти правдоподобного объяснения этому видению.

Не знаю, велик ли был участок земли вокруг дома. Похоже, поместье приходило в упадок. Не помню, были ли там клумбы. Парк был тенистый, с неподстриженными деревьями. Неподалеку от дома стоял павильон с минaretами, который называли турецкой баней, одна из затей русского *maison de plaisir*¹ своего времени. Отец говорил мне, что мы провели там только одно лето и больше не возвращались, так как там было слишком сыро. Искусственный пруд перед домом порос зеленою звездообразной травой. Павильон стоял пустой, и нам с братом позволяли там играть. Нам доставляло огромное удовольствие смотреть через разноцветные стеклышики высоких мавританских окон — при солнечном свете внешний мир казался ярким и

¹ Загородный дом (*ρρp.*).

ТЕАТРАЛЬНАЯ УЛИЦА

светящимся — красным, зеленым, желтым, нереальным и чрезвычайно привлекательным.

В жаркие дни няня часто водила моего брата купаться. Он был на два года старше меня. Мы шли по берегу мелкой быстрой речушки до того места, где она образовывала маленький пруд с чистой водой. Мне купаться не разрешали, и няня переносила меня на плечах на большой камень, поднимавшийся из воды. Там я и сидела, пока они купались. Держась за руки, они прыгали, погружаясь в воду и выскакивая, как лягушки. Няня напевала: «Ладушки, ладушки, где были?» — «У бабушки» — одну из детских песенок, которых знала множество.

Няне, «толстой няне», как мы называли ее, было запрещено пугать нас. Но для простой крестьянской девушки, исполненной предрассудков, подобное требование оказалось невыполнимым. Из множества причудливых существ, созданных воображением русского народа, обладающих рогами, копытами и хвостами, она выбрала некоего «буку», к помощи которого прибегала в тех случаях, когда ее собственного авторитета оказывалось недостаточно. Бука уносил непослушных детей. Он прятался где-то поблизости и дожидался того момента, когда ребенок откажется идти спать. Непонятно, что это за существо, возможно, своего рода черт, который мог послужить целям воспитания детей. Я попыталась расспрашивать о нем отца, и он не стал отрицать существования буки. Но в его описаниях бука выглядел совершенно не страшным, пожалуй, просто озорным, но довольно дружелюбным существом, которое легко можно было умиротворить. По-видимому, он был покрыт шерстью и имел хвост, в общем, напоминал собаку.

В то время я побаивалась матери. Когда я была совсем маленькой, со мной случались столь сильные припадки плача, что я задыхалась и лицо у меня синело. Это обычно происходило по утрам во время одевания. Услышав мои крики, мама приказывала принести меня к себе, и няня неохотно подчинялась. Обмакнув губку в холодную воду,

мама выжимала ее на мое голое тельце. Впоследствии она рассказывала, что я немедленно замолкала, не успев даже закрыть рта.

Мама часто говорила, что испытывает к детям «разумную» любовь. Я помню ее порой супротивной, но шутливой или нежной — никогда, она умела подавлять мои порывы, и это делало меня вдвойне застенчивой, а порой толкало на детский бунт против нее. Однако со временем я поняла, что ради нас она готова пойти на любую жертву, и в глубине души восхищалась и гордилась ею. Мне очень нравилось смотреть, как она одевается, готовясь куда-нибудь пойти. У нее была чрезвычайно тонкая талия и очень маленькие ножки, которыми она гордилась. Я строила честолюбивые планы относительно нее и часто повторяла: «Когда вырасту, построю для мамы огромный дом», а обидевшись, пряталась под кровать или под стол и угрожала оттуда: «Не построю тебе дома». Но спокойный ответ матери: «А кому нужен твой дом?» — тотчас же приводил меня в чувство, словно еще один холодный душ.

Наказывали нас достаточно мягко. «Носом в угол» — считалось более унизительным, чем просто «в угол, лицом к комнате». Брат Лева обычно смягчал наказание чисто-сердечным раскаянием, но меня ничто не могло подвигнуть на подобное. Только ласковые слова отца могли заставить меня раскаяться. Он часто брал меня за руку и приводил к матери просить прощения. Выговоры, даже заслуженные, глубоко ранили меня. В отличие от большинства детей я никогда не давала волю слезам в присутствии других людей. Если же у меня возникала надежда склонить чашу весов правосудия в свою сторону, я предупреждала тихим дрожащим голосом: «Я заплачу». Когда мать отвечала: «Ну и плачь, если хочешь», я бежала в дальнюю комнату и рыдала там под кроватью или за маминими юбками в шкафу. Впоследствии я смеялась, когда отец разыгрывал передо мной подобные сцены, но тогда воспринимала их как настоящую трагедию.